

**Петь, танцевать и говорить по-марийски:
к вопросу о ревитализации этнического языка в диаспоре**

М. В. Куцаева

*Институт языкознания,
г. Москва, Российская Федерация,
marina.kutsaeva@iling-ran.ru*

АННОТАЦИЯ

Введение. Марийцы – коренной народ Среднего Поволжья, однако почти половина марийского населения РФ проживает за пределами Республики Марий Эл, образуя старые и новые диаспоры. Статья посвящена проблеме витальности этнического языка и возможности его сохранения в условиях внутренней диаспоры.

Цель: апробация программы «Мастер-ученик» на марийских материалах.

Материалы исследования: полевые материалы автора, программа «Мастер-ученик» в рамках пилотного проекта.

Результаты и научная новизна. Ввиду слабой межпоколенческой передачи этнического языка в диаспоре нового типа (московский регион) и постепенного её нарушения в старых диаспорах (по результатам обследований), насущным представляется вопрос поддержания этнического языка, приобщения к нему новых носителей и некоторых представителей младшего поколения, которые не говорят по-марийски в семье. В контексте ревитализации миноритарных языков действуют различные программы, одной из них является «Мастер-ученик». Поскольку этническая культура (марийские песни и танцы) играет значительную роль в марийских сообществах, автором было принято решение выступить в качестве *ученика* в лингвистическом и одновременно танцевальном эксперименте по изучению марийского языка и традиционного танца башкирских марийцев. Научная новизна работы заключается в том, что автором впервые предложена и апробирована программа «Мастер-ученик» на марийском материале. В ходе реализации проекта и освоения практической деятельности учеником была изучена лексика по теме «Части тела», «Направление движения», «Характер движения», «Движение в танце», выучены названия дней недели, частей суток, времени, указательные местоимения, некоторые наречия, поощрительные слова, базовые навыки счёта и др. Автором делается вывод о том, что этническая культура может выступить источником приобщения к марийскому языку для новых говорящих и каналом его поддержания.

Ключевые слова: марийский язык, этнический язык, внутренняя диаспора, языковые идеологии, языковой сдвиг, ревитализация языка, программа «Мастер-ученик», этническая культура

Благодарности: исследование в марийских сообществах Башкортостана, Татарстана, Свердловской обл. выполнено в рамках проекта РНФ №24-28-00157 «Функционирование марийских идиомов в старых диаспорах».

Для цитирования: Куцаева М. В. Петь, танцевать и говорить по-марийски: к вопросу о ревитализации этнического языка в диаспоре // Вестник угроведения. 2025. Т. 15. № 3 (62). С. 588–597.

**Singing, dancing and speaking in Mari:
to the issue of revitalization of ethnic language in diaspora**

M. V. Kutsaeva

*Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation,
marina.kutsaeva@iling-ran.ru*

ABSTRACT

Introduction: the Mari people are an indigenous people of the Middle Volga region, however almost half of the Mari population of the Russian Federation lives beyond the Republic of Mari El, forming old and new diasporas. The article focuses on the ethnic language vitality and possible ways of its maintenance in conditions of an internal diaspora.

Objective: approbation of the “Master-Student” program based on Mari materials.

Research materials: the author’s field materials, the “Master-Student” program within the framework of the pilot project.

Results and novelty of the research: due to the weak intergenerational transfer of the ethnic language in the new type of a diaspora (Moscow region) and its gradual disruption in old diasporas (according to survey results), the issue of maintaining the ethnic language, introducing it to new speakers and some representatives of the younger generation, who do not speak Mari in the family, seems urgent. In the context of the revitalization of minority languages, there are various programs, one of them is the “Master-Student”. Since ethnic culture (Mari songs and dances) plays the significant role in the Mari communities, the author decided to act as a *student* in a linguistic and at the same time dance experiment to study

the Mari language and the traditional dance of the Bashkir Mari people. The scientific novelty of the work lies in the fact that for the first time the author proposed and tested the “Master-Student” program based on the Mari material. During the implementation of the project and the development of practical activities, the student studied vocabulary on the topic of “Body parts”, “Direction of movement”, “Character of movement”, “Movement in dance”; learned the names of days of the week, parts of the day, time, demonstrative pronouns, some adverbs, encouraging words, basic counting skills, etc. The author concludes that ethnic culture can be the source of communion to the Mari language for new speakers and the channel for its maintenance.

Key words: Mari language, ethnic language, internal diaspora, linguistic ideologies, language shift, language revitalization, “Master-Student” programme, ethnic culture

Acknowledgments: the work is part of the project “Functioning of Mari idioms in old diasporas” supported by a grant from the Russian Scientific Fund, contract № 24-28-00157.

For citation: Kutsaeva M. V. Singing, dancing and speaking in Mari: to the issue of revitalization of ethnic language in diaspora // Vestnik ugrovedenia = Bulletin of Ugric Studies. 2025; 15 (3/62): 588–597.

Введение

Марийцы являются автохтонным населением Среднего Поволжья. В настоящее время в Республике Марий Эл проживает 58 % от общего числа марийцев РФ, остальные расселены в других регионах страны компактными и дисперсными группами, образуя старые и новые диаспоры. Старые марийские диаспоры Башкортостана, Татарстана, Свердловской области сложились в XVI–XVIII вв. вследствие социального и религиозного угнетения податного населения, массовых миграций марийцев в Прикамье и Приуралье. Новые марийские диаспоры в Сибири сформировались в советское время и были связаны с переселениями в места разработки и добычи полезных ископаемых, лесоразработки и пр. в 1950–1980-х гг. [6, 162]. В новейшее время приоритетным центром миграций стала Москва. Сравним численность марийского населения в некоторых регионах: РФ: 423803 чел., Марий Эл: 246560 чел., Башкортостан: 84988 чел., Татарстан: 15666 чел., Свердловская обл.: 13995 чел., московский регион (Москва, Московская обл.): 3165 чел., ХМАО: 4982 чел. [2]. В условиях, с одной стороны, исторически обусловленной распыленности марийского этноса, с другой стороны, нарастающей глобализации, урбанизации, роста межэтнических браков остро встаёт вопрос сохранности этнического языка.

В целях выявления и описания функционирования этнического языка в марийских диаспорах автором проведено несколько социолингвистических обследований. В 2019–2022 гг. была обследована новая марийская диаспора: выборка включила 106 респондентов, выходцев из Республики Марий Эл и мест компактного расселения марийцев, на постоянной основе проживающих в московском регионе. В 2024–2025 гг. состоялись экспедиции

в старые марийские диаспоры, охвачен ряд марийских районов Башкортостана, Татарстана, Свердловской области. В фокусе исследования – в том числе речевые практики и языковые идеологии носителей, межпоколенческая передача языка, сохранность этнического языка по возрастным группам и в разных этнолокальных сообществах, культурные и религиозные практики в контексте витальности языка. Общая выборка в старых диаспорах составляет 345 чел. в возрасте от 12 до 88 лет. Респонденты являются уроженцами марийских деревень и сёл с преобладанием марийского населения. Среди них – новые носители: уроженцы мест дисперсного проживания марийцев, не получившие в полной мере этнический язык от родителей; лица, рождённые в межэтнических браках, идентифицирующие себя в качестве марийцев и стремящиеся восстановить (изучить с нуля) марийский.

Речевые практики носителей марийских идиомов долгое время были подчинены преимущественно влиянию двух полярных идеологических комплексов: аутентичности и анонимности, что характерно и для носителей других миноритарных языков в целом. Идеология аутентичности определяет ценность языка в его связи с конкретным сообществом, то есть идиом, как полагают, глубоко укоренён на некой социальной и географической территории, он всегда локален и «родом откуда-то», отсюда и важность акцента, который в первую очередь сообщает собеседнику о том, кто вы, а не что вы говорите. Идеология анонимности свойственна большим языкам: это «взгляд из ниоткуда», в нём не проявляются интересы и опыт исторически конкретной социальной группы. Именно с утратой социальных корней язык становится языком «из ниоткуда» [16, 303–309]. Языковые идеологии аутентичности

и анонимности оказывают существенное влияние на текущие речевые практики марийцев: идеология аутентичности «пригвождает» язык к этнической деревне, тогда как идеология анонимности распространена в городской среде и обуславливает переход носителей миноритарных языков на русский язык. Иначе говоря: по-марийски – в деревне, в городе – по-русски.

Таким образом, уже второе поколение проживающих в городской среде марийцев, как правило, не владеет этническим языком родителей [3, 35]. Ассимиляционные процессы среди марийцев-горожан и сельчан, проживающих на территории русскоязычных регионов России, вызваны также ростом межэтнических браков [6, 175]. Определённое воздействие на речевые практики молодежи оказывает потребление медиа контента на русском языке.

В московском регионе сферы употребления этнического языка сужаются, марийский используется во внутрисемейном и дружеском общении, звучит в рамках культурных мероприятий марийского землячества, объединяющего выходцев из разных регионов страны. Тем не менее, функции, закреплённые за этническим языком в новой диаспоре, заметно расширяются [3, 32]. В старых диаспорах марийский функционирует во внутрисемейном и дружеском общении, в системе школьного образования (предмет «Родной марийский язык», «Родная марийская литература»), активно используется в культурно-досуговой сфере. Марийский является языком религии: марийцы Башкортостана, Татарстана и Свердловской области составляют этнографическую группу *эрвел мари* (восточных марийцев), большинство придерживается традиционных марийских (языческих) верований; религиозные отправления совершаются на марийском. Кроме того, Башкортостане издаются местные газеты на марийском языке [5, 52–59].

Тем не менее, в силу доминирующих идеологий в городской среде в новой диаспоре марийский язык фактически не передаётся второму поколению [3, 36]. В старых диаспорах зафиксировано начало языкового сдвига в младшей возрастной группе, начиная с 2015–2016 гг. Марийские культурно-досуговые мероприятия для школьников в с. Мишкино проводятся с переводом на русский язык не только в силу того, что Башкортостан – многонациональный регион, но и главным образом потому,

что младшие школьники плохо владеют этническим языком. В с. Калтасы в изначально марийском ансамбле «Кечыйол» сменился не только репертуар (с марийского на русский), но и само название было переведено на русский – детский ансамбль известен теперь как «Солнечные лучики» [5, 58–59]. В Кукморском районе Татарстана в ансамбле «Кна вел» действует несколько составов: на репетициях в старшем и среднем составах используется исключительно марийский, в младшей группе «пятьдесят на пятьдесят, марийский и русский». «Родители меньше начинают разговаривать со своими детьми на родном языке. Есть такие дети, которые понимают, немного владеют марийским языком. Я замечаю, что родители с ними разговаривают на русском. Задашь им вопрос: “Зачем?”. “Зачем этот марийский язык нужен?” – ответ. Как будто язык – какая-то помеха, хотя ребёнок ещё владеет, не всё потеряно, можно постараться, чтобы она сохранила этот язык. Но всё зависит от родителей. А вот окружение этой девочки, подружки, допустим, общаются с ней на марийском. Я с ней разговариваю на марийском. Она мне тогда отвечает на марийском. То есть если взять составы взрослые, то здесь этот язык есть. Он работает ежедневно. С детьми – сложнее» [ПМА 1: № 45]. В Свердловской области с аналогичными проблемами столкнулись руководители творческих коллективов: в Ачитском районе при подготовке марийской программы в школе используется марийский и русский, поскольку половина учащихся не владеет марийским. Для таких участников требуется перевод на русский, чтобы они поняли, о чём поют, и выражали, по словам руководителя, «соответствующие эмоции». В Агрызском районе Татарстана в одном из марийских сельских поселений клубом руководит этническая марийка, которая родилась вне старой диаспоры. В этой связи на репетициях в детско-юношеском ансамбле также звучат два языка: русский и марийский. «Я говорю с ними на марийском, если это нужно. Допустим, в сценарии или в песне есть какие-то марийские элементы. Дети разговаривают на марийском, но это тоже ломаный марийский. И мы, если какие-то слова используем на марийском, то это по нужде. А больше мы общаемся на русском, и нам всем комфортно» [ПМА 2: № 27].

Марийский язык признаётся респондентами разных субэтнических групп в качестве одного из ключевых маркеров этнической идентичности наряду с «принадлежностью земле, малой родине, корням» и «знанием марийской культуры, традиций, обычаев» [3, 35]. Не владеющих этническим языком марийцев представители традиционного языкового сообщества луговых мари в Республике Марий Эл называют *марий ватын руш үдыржө* ‘русская дочка марийской женщины’ / *марий ватын руш эргыже* ‘русский сын марийской женщины’; в Башкортостане распространено выражение *аракма мари* ‘недозревший, бесплодный мари’, в Татарстане бытует выражение *руш мари* ‘русский мариец’, в Свердловской области – *пеле руш* ‘наполовину русский’

Ввиду ряда экстралингвистических факторов (межэтнический брак, миграции и переход на русский в языковой истории семьи, урбанизация, установки и стереотипы в отношении этнического языка, подпитанные соответствующими лингвистическими идеологиями) часть представителей старых диаспор в средних и младших когортах фактически не владеет марийским. Ситуация усугубляется тем, что в связи с общим курсом на оптимизацию образования сохраняется тенденция закрытия малокомплектных школ, преимущественно национальных, в которых преподавался родной марийский язык. Кроме того, согласно закону «Об образовании в Российской Федерации» (№317-ФЗ), регламентирующему выбор языка образования, родители и законные представители учащихся нередко выбирают русский в качестве родного. Этот выбор обусловлен в том числе стремлением родителей обеспечить лучшую долю для своих детей в будущем в городе и де факто их ставкой на большой, экономически перспективный язык (о факторах, определяющих отношение к языку и его сохранение см. [14, 286–288]). В таких условиях постепенно сворачивается и деятельность библиотек, обслуживающих марийское население в диаспоре, падают тиражи локальных газет на марийском там, где они издаются, поскольку, помимо снижения у населения общей потребности в чтении, отсутствуют навыки чтения и письма среди определённой части марийцев, не изучавших и не изучающих марийский в школе [5, 54–57]). Наконец, в выборках выявлено некоторое количество новых

говорящих, стремящихся освоить этнический язык. Таким образом, актуальным представляется вопрос поддержания этнического языка, приобщения к нему новых носителей и некоторых представителей младшего поколения, которые не говорят по-марийски в семье.

К проблеме ревитализации этнических языков обращаются не только зарубежные [7; 9; 10; 11; 12; 14], но и российские исследователи [1], а также представители самих языковых сообществ [8; 15]. Разработаны методики на материале различных языков.

Материалы и методы

Материалами исследования являются полевые данные, собранные автором в новой и старых марийских диаспорах в ходе проведения комплексных социолингвистических обследований в местах дисперсного проживания (Москва и Московская область) в 2019–2022 гг. (выборка составила 106 чел.) и компактного проживания марийцев (некоторые марийские районы Башкортостана, Татарстана и Свердловской области) в 2024–2025 гг. (общая выборка в настоящее время достигла 345 чел.). Основным материалом для настоящей работы послужила зарекомендовавшая себя в контексте ревитализации миноритарных языков программа «Мастер-ученик». Автор выступил в качестве ученика в пилотном проекте на марийском материале.

В обследовании применялся комплекс методов: наблюдение, анкетирование (опрос), глубинное и полуструктурированное интервью, документальная фиксация ответов, статистический анализ данных.

Результаты

В контексте ревитализации миноритарных языков действуют различные программы [9, 295–310; 11, 51–68]. Одной из таких программ является «Мастер-ученик». Программу запустили в 1992 г. в целях возрождения и поддержания автохтонных языков Калифорнии [10, 127–129]) и позже внедрили в других регионах США (шт. Оклахома) и мира: Канаде, Мексике, Бразилии, Австралии [10, 129–134; 15]. Целевой аудиторией является так называемое «потерянное поколение» [9, 127]. Программа была разработана для мотивированных взрослых, которые работают в паре с представителями старшего поколения, готовыми помочь им в изучении языка. В основе программы

заложено пять ключевых принципов: 1) запрет на использование большого (в источнике – английского) языка во взаимодействиях между мастером и учеником; 2) право ученика на участие в определении содержания программы и употребление целевого языка; 3) приоритетное использование устной, а не письменной формы языка в обучении и коммуникации; 4) обучение языку не в классе, а в реальных жизненных ситуациях, в процессе реализации практической деятельности (приготовление пищи, садоводство и пр.); 5) понимание языка обучающимся достигается через деятельность, в том числе с использованием невербальных средств общения. Особенность программы заключается в том, что обучение языку происходит в неформальной обстановке вкупе с освоением навыков практической деятельности – иначе говоря, язык становится неотъемлемой частью изучения этого вида деятельности в целом. Соблюдение принципов способствует тому, что изучение языка и обучение языку осуществляются в условиях погружения, которые почти полностью повторяют естественную среду изучения языка детьми, в отличие от искусственных условий в классе. В среднем мастер и ученик проводят вместе не менее 10 часов в неделю; цели и задачи каждого учебного года предварительно определяются командой организаторов [11, 61–63]. Таким образом, программа «Мастер-ученик» помогает взрослым изучать родной язык и использовать его в самых разных обстоятельствах. Она основана на устной речи и использует стратегии погружения в обычную обстановку повседневной жизни и в контексте традиционной культуры [10, 135].

Поддержанию этнической культуры отводится значительное место в новых и старых марийских диаспорах [4, 160; 5, 58]. Респонденты в московском регионе хотели бы, чтобы их дети и внуки, которые не знают марийского, «умели петь и плясать по-марийски». Это желание разделяют и респонденты в старых диаспорах в отношении своих городских внуков. Тем не менее, в отсутствии этнического языка общие знания об этнической культуре постепенно угасают уже во втором поколении новой диаспоры, что, безусловно, беспокоит её старших представителей [4, 161].

Необходимо подчеркнуть, что сам факт контакта исследователя с языковым сообществом в рамках его деятельности свидетельствует о

внешнем (академическом, статусном) интересе к языку, что может повысить осведомленность сообщества и престиж языка. Кроме того, исследователь, который имеет доступ к литературе, посвящённой мерам по ревитализации в других контекстах и других сообществах, может предоставить ценную информацию представителям данного языкового сообщества, которые, возможно, чувствуют себя изолированными и даже бессильными что-либо изменить. То есть, лингвисты могут выступить консультантами по вопросам языковой политики [14, 290]. Согласно распространённому ныне среди исследователей мнению, «работающий с языком в поле лингвист должен помочь сообществу организовать программы по ревитализации, объяснить, как эти программы функционируют [1, 22]. Учитывая, во-первых, тот факт, что усилия по изучению языка, например, на языковых курсах едва ли станут массовым движением и никогда не будут столь же популярными, как песни и танцы [8, 97–98], во-вторых, всеобщую любовь марийцев к марийским песням и пляскам, автор материалов принял решение объединить оба элемента – изучение языка и марийского танца на базе программы «Мастер-ученик». Вслед за инициативой, описанной в [1, 23], автор выступил в качестве ученика в лингвистическом и в данном случае танцевальном эксперименте по изучению марийского языка и традиционного танца восточных марийцев *кандыра* ‘верёвочка’. Первоначально в программе «Мастер-ученик» мастерами выступали пожилые представители языковых сообществ [10, 127], однако впоследствии о возрасте мастера не упоминается. Важно лишь, чтобы мастер свободно владел языком и не обязательно был преподавателем [15, 5]. В нашем случае мастером стала Э. И. Кольцова, молодой педагог-хореограф, руководитель московского Ансамбля марийского танца и песни «Тумывий» («Сила дуба»), уроженка Республики Марий Эл, носитель лугового марийского языка.

Мастер и ученик воспользовались пошаговыми рекомендациями, приведёнными в работе Н. Virtue, S. Gessner и D. Daniels [15, 5–16]. Совместно была определена цель пилотного проекта: погружение в этнический язык и изучение популярного марийского танца *кандыра*. Пилотный проект получил название «*Марла мутланена, марла куштена*»

‘По-марийски говорим, по-марийски танцуем’. Было составлено расписание. Занятия проводились в течение двух месяцев, с сентября по ноябрь; в неделю было организовано несколько очных индивидуальных репетиций, а также дополнительные получасовые онлайн-встречи. Важными ориентирами для команды стали следующие рекомендации: 1. Старайтесь общаться только на изучаемом языке. Если вы сбиваетесь на другой язык, сразу возвращайтесь к целевому языку. 2. Добивайтесь того, чтобы вас понимали с помощью невербального общения, посредством действий, жестов, мимики и общего контекста. 3. Обучайтесь полными предложениями. 4. Стремитесь к реальному общению на языке. 5. Участвуйте в культурных мероприятиях. 6. Сосредоточьтесь на навыках слушания и говорения. 7. Выполняйте совместные задания. Просто живите своей жизнью вместе, изучая язык. 8. Сделайте аудио- и видеозапись своего мастера для дальнейшего самостоятельного прослушивания и изучения. 9. Будьте активным учеником. Возьмите на себя ответственность за своё обучение. 10. Будьте чувствительны к потребностям друг друга, будьте терпеливы и гордитесь друг другом и самими собой! (Корректируйте, но не критикуйте) [10, 128].

Командой был разработан типовой план занятий: приветствия на марийском, физическая разминка с командами на марийском языке, изучение танцевальных движений с комментариями на марийском, соединение движений в комбинацию, в дальнейшем – построение общего рисунка танца, также с инструкциями мастера на марийском. Методика погружения в языковую среду предполагает повторения: ученик должен употребить или услышать фразу или слово много раз в различных контекстах, чтобы запомнить его [15, 19]. И в этом смысле изучение танцевальных движений в полной мере отвечало поставленной задаче. Мастером много раз проговаривалась лексика, относящаяся к темам: 1) «Части тела»: *йол* ‘нога’, *кид* ‘рука’, *ваче* ‘плечо’, *вуй* ‘голова’, *кап* ‘тело’, *пулвуй* ‘колени»; 2) «Направление движения»: *пурлашке* ‘направо’, *шоллашке* ‘налево’, *ончыко* ‘вперёд’, *шенгеке* ‘назад’, *ўлыкõ* ‘вниз’, *кўшкõ* ‘вверх»; 3) «Характер движения»: *эркын* ‘медленно’, *писын* ‘быстро’, *лывырге* ‘плавно’, *пушкыдо* ‘мягкий’, *тышке-тушко* ‘туда-сюда’, *тыге-туге* ‘так-сяк’, *вигак* ‘сразу»; 4) «Движения в танце»:

тавалташ ‘дробить’, *тавалтымаш* ‘дробушка’, *савырнымаш* ‘поворот’, *йоралтмаш* ‘припадание’, а также релевантные императивные конструкции: *тавалтена* ‘дробим’, *савырнена* ‘поворачиваемся’, *чучкен куштена* ‘пружина танцуем’, *ончыко каена* ‘вперёд идём’ и др. Были изучены названия дней недели, частей суток, времени, использовались указательные местоимения, наречия *неле* ‘тяжело’, *куштылго* ‘легко’ и поощрительные слова на марийском: *неш сай* ‘очень хорошо’, *йõра* ‘хорошо’. Кроме того, активно использовался счёт: сначала до четырёх, потом до восьми – учитывая хореографические движения в диапазоне четырёх тактов.

Значительное внимание уделяется авторами методики оценке прогресса [15, 21]. Ученику предлагается вести дневник (допускается на функционально первом языке) после каждого занятия, записывать собственные размышления о том, что было достигнуто на уроке. Такие записи могут оказаться полезными при повторении пройденного материала. Более того, в ходе пилотного проекта были сделаны видеозаписи, они существенны с точки зрения оценки прогресса в перспективе. В нашем проекте дневник вёл также и мастер – обмен дневниками и сопоставление записей в них, на наш взгляд, очень важны, это позволяет составить более полное впечатление о том, что «происходит за кадром».

Самым трудным в проекте было не переходить на русский язык. Первые занятия ученик пребывал в «немом» и ошеломленном состоянии – и от звучащего языка, и от танцевальных движений, имея фактически нулевой уровень знаний и подготовки и в том, и в другом. В таком случае, в соответствии с рекомендациями Н. Virtue [15, 25], крайне важно выучить фразы, которые бы помогли избежать перехода на русский. В проекте средствами «обратной связи» стали фразы *тиде неле* ‘это трудно’, *умылышым* ‘я поняла’, *ыжым умыло* ‘я не поняла’ и др. Большим подспорьем были и невербальные средства общения.

Непростой задачей для ученика является и переход к активному употреблению целевого языка. Ученику рекомендуется повторять за мастером новые слова, фразы и, по возможности, сделать это привычкой. А кроме того, поменяться с мастером ролями, то есть мастеру следует предоставить ученику шанс говорить самому [15, 27]. В проекте «Марла мутланена,

марла куштена» ученик в ходе урока проговаривал вслух за мастером новые слова, фразы, инструкции по выполнению того или иного движения. Добавим, что спустя месяц было решено, что ученик проведёт разминку самостоятельно, в дальнейшем эта практика получила «постоянную прописку» в типовом занятии и стала прекрасным способом активации изученного материала.

К концу первого месяца, согласно записям в дневнике ученика, «автоматически в голове идёт перевод с русского на марийский простых фраз, услышанных от кого-то в метро, вроде “сегодня среда, завтра четверг”, или инструкция от тренера спортивной медицины “поверните голову к правому плечу”», «в голове и на языке постоянно крутится ритмичное *икыт, кокыт, кумыт, нылыт* ‘раз, два, три, четыре’», «в сети услышала выступление на марийском, знакомые слова вполне для себя выделила», «дома у нас все уже выучили счёт на марийском, знают про *шолашке да пурлашке* ‘налево и направо’ дружно подпевают «*Туге мо? – Садыге шол*» ‘Так ли это? – Так!’ (известный припев в частушках восточных марийцев – прим. авт.), в общем, невольно погрузились всей семьёй в марийский», «приснился сон, где я танцую и одновременно слышу команды на марийском. В общем, мой первый сон на марийском со мной случился!».

Основная задача автора в качестве ученика в пилотном марийском проекте «Мастер-ученик» заключалась в том, «чтобы понять “изнутри”, что чувствует “ученик”» [1, 22].

Несмотря на то, что авторы программы изначально рекомендовали мастеру и ученику проводить от 10 до 20 часов вместе, в каждом конкретном случае допустимы вариации, ср.: от 10 до 15 часов [10, 129], в рамках кильдинского саамского: три часа в неделю в течение полутора лет [7, 93]. В марийском пилотном проекте мастер и ученик проводили в среднем три часа в неделю. Кроме того, организаторами предполагалась работа «один на один», однако впоследствии ими же был разработан адаптированный вариант для использования программы в условиях класса с соблюдением других важных аспектов программы: полное погружение, обучение на языке, изучение языка через деятельность [11, 63]. См. также [7, 92]: «Группа “один мастер – один ученик” не обязательна, возможны разные комбинации,

например: один мастер – два ученика или больше, несколько мастеров – один ученик или больше и т. д.»). Впрочем, наличие нескольких мастеров может обернуться неожиданными трудностями: мастера могут быть носителями различных наречий, считать свой вариант единственно верным и старательно «переучивать» ученика на свой лад [1, 23].

Более того, сам формат программы (неформальное общение) обуславливает и недостатки: в частности, ученики часто не владеют грамматикой в совершенстве [10, 135]. В этой связи, по мнению исследователей, необходимо дополнить её целенаправленным обучением грамматике и лексике с помощью письменного языка, «создать базу знаний у ученика, куда постоянно вводится информация, которой не хватает в живом общении. Без дополнительного ввода теоретических знаний ученик только частично будет владеть языком мастера с неполной грамматикой и лексикой, и развитие языка будет ограничено» [7, 95].

Несмотря на недочёты, программа, по замыслу её авторов, готовит носителей языка с высокой коммуникативной компетенцией, основанной на принципах длительного погружения в контекст повседневной жизни и традиционной культуры [10, 35]. В результате более чем 20-летнего существования программы появилось много новых носителей языка с хорошим уровнем владения разговорным языком, которые не только сами смогли стать мастерами, но самое главное – смогли общаться на этом языке дома со своими собственными детьми [10, 127]. Программа поможет восстановить утраченные связи между поколениями, залечить травмы прошлого, сплотить группу. Программы по ревитализации нацелены не только на установление прерванных связей с прошлым, они формируют взгляд в будущее, поскольку понимание истории и наследия является важной частью восстановления идентичности [12, 13]. В этом смысле реализация программы «Мастер-ученик» представляется значительным событием для любого сообщества, язык которого находится под угрозой исчезновения.

Обсуждение и заключение

Комплексные исследования в новой и старых диаспорах позволили выявить уязвимые места в функционировании марийских идиомов –

слабую межпоколенческую передачу языка детям ввиду распространённых лингвистических идеологий, появления в марийском языковом сообществе прослойки лиц, не усвоивших марийский в детстве вследствие миграций, переезда в другой регион, рождения в межэтническом браке и пр. При этом знание этнического языка и культуры – ключевые маркеры идентичности в выборке, а значит – их сохранение представляется крайне важным для группы в целом. Одним из способов приобщения к языку и культуре является программа «Мастер-ученик».

Автор статьи выступил учеником в пилотном проекте на марийском материале. В качестве ученика автору удалось усвоить многое из того, что городской мариец «привозит» из этнической деревни летом; однако погружение в язык было не от случая к случаю и раз в год, а систематическим (несколько раз в неделю), что, для изучения языка представляется более ценным. По результатам пилотного проекта был представлен краткий устный доклад на конференции «Язык и танец. Язык танца»¹. Демонстрация разученного танца и, собственно, навыков разговорного марийского состоялась в рамках праздничного концерта марийского землячества Москвы в декабре 2024 г. Подчеркнём, что автор разделяет точку зрения, согласно которой, ввиду угрозы утраты языка в сообществе, лингвистам непросто сохранять «нейтралитет»; напротив, их участие в языковой

политике является важным элементом социальной ответственности.

Учитывая, что мастером был руководитель ансамбля, участниками которого являются также лица, слабо владеющие этническим языком в первом поколении, и школьники, представители второго поколения диаспоры, – то есть потенциальные новые носители, автор выражает надежду, что совместный проект был полезен и мастеру, позволил дополнительно раскрыть его возможности транслировать в ансамбле знания не только марийской культуры, но и своего языка, а самому ансамблю стать местом приобщения и погружения в марийский язык и культуру в диаспорных условиях.

В заключении отметим, что часть представителей диаспоры хотели бы вернуть себе этнический язык. На наш взгляд, программа «Мастер-ученик» способна пробудить интерес к языку и культуре, создать комфортное и безопасное пространство для новых носителей, расширить языковое сообщество, что в конечном счёте позволит продлить жизнь языка в диаспоре. А реализация программы на базе существующих творческих коллективов поможет укрепить позиции марийского в сфере культуры, подчеркнёт глубокую связь языка и культуры, когда язык выступает проводником в культуру, а культура может стать инициацией в этнический язык.

Список источников и литературы

1. Агранат Т. Б. Лингвист – ученик мастера // Международная конференция «Лингвистический форум 2021: Языковая политика и сохранение языков»: Тезисы докладов / ред. А. А. Кибрик, В. Ю. Гусев, А. Б. Шлуинский. М.: Институт языкознания РАН, 2021. С. 22–23.
2. Всероссийская перепись населения. 2020 URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Tom5_tab5_VPN-2020.xlsx. (дата обращения: 23.03.2025).
3. Куцаева М. В. Марийский в Москве: к вопросу о сохранности этнического языка в условиях внутренней диаспоры // Финно-угроведение. 2022. № 63. С. 30–44.
4. Куцаева М. В. Проблема сохранения этнической культуры в условиях внутренней диаспоры (на материале полевых исследований в чувашской и марийской диаспорах московского региона) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 2 (870). С. 158–165.
5. Куцаева М. В. Функционирование марийских идиомов в старых диаспорах Башкортостана (по материалам полевых экспедиций 2024 г.) // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2025. Вып. 1 (47). С. 50–63.
6. Сепеев Г. А. История расселения марийцев. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2006. 200 с.
7. Шеллер Э. Активизация пассивных знаний кильдинского саамского языка с помощью метода «мастер-ученик» и обучения грамматике и письменному языку // Родной язык. 2024. № 2. С. 82–108.
8. Dauenhauer N. M., Dauenhauer R. Technical, emotional, and ideological issues in reversing language shift: Examples from southeast Alaska // *Endangered languages: Current Issues and Future Prospects*. L. A. Grenoble, L. J. Whaley (eds.). Cambridge: Cambridge University press, 1998. Pp. 57–98.

¹ ИЯЗ РАН / ГИТИС, Москва, 14.11.2024.

9. Hinton L. Revitalization of endangered languages // The Cambridge Handbook of Endangered Languages. P. K. Austin, J. Sallabank (eds.). Cambridge: Cambridge University Press, 2011. Pp. 291–311.
10. Hinton L., Florey M., Gessner S., Manatowa-Bailey J. The Master-Apprentice Language Learning Program // The Routledge Handbook of Language Revitalization. L. Hinton, L. Huss, G. Roche (eds.). New York: Routledge, 2018. Pp. 127–136.
11. Grenoble L. A., Whaley L. J. Saving Languages: An Introduction to Language Revitalization. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 231 p.
12. Grenoble L. Why Revitalize? // Revitalizing Endangered Languages. Olko J., Sallabank J. (eds.). Cambridge: Cambridge university press, 2021. Pp. 9–22.
13. Kutsaeva, Marina V. The Mari community of Moscow: Ethnic language maintenance in urban settings // Multilingual Moscow: Dynamics of Language and Migration in a Capital City. M. Bergelson, D. Zoumpalidis (eds.). Berlin, Boston: De Gruyter Mouton, 2024. Pp. 133–154.
14. Sallabank J. Language policy for endangered languages // The Cambridge Handbook of Endangered Languages. P. K. Austin, J. Sallabank (eds.). Cambridge: Cambridge University Press, 2011. Pp. 277–290.
15. Virtue H., Gessner S., and Daniels D. (Xway'Waat). B.C.'s master-apprentice language program handbook. Brentwood Bay, BC: First Peoples' Cultural Council, 2012. 89 p.
16. Woolard K. A. Language and identity choice in Catalonia: The interplay of contrasting ideologies of linguistic authority // Lengua, nación e identidad. La regulación del plurilingüismo en España y América Latina. K. Süselbeck, U. Mühlischlegel, P. Masson (eds.). Madrid–Frankfurt am Main: Iberoamericana-Vervuert Verlag, 2008. Pp. 303–324.

Полевые материалы автора

- ПМА 1 – Полевые материалы автора. Экспедиция в Кукморский р-н Республики Татарстан, август 2024 г. (Информант: № 45 – женщина, 2001 г. р.)
- ПМА 2 – Полевые материалы автора. Экспедиция в Агрызский р-н Республики Татарстан, ноябрь 2024 г. (Информант: № 27 – женщина, 2001 г. р.)

References

1. Agranat T. B. *Lingvist – uchenik mastera* [Linguist as Master's Apprentice]. *Mezhdunarodnaya konferentsiya "Lingvisticheskiy forum 2021: Yazykovaya politika i sokhranenie yazykov"*: Tezisy dokladov [International conference "Linguistic forum 2021: Language policy and maintenance": Collection of papers]. A. A. Kibrik, V. Yu. Gusev, A. B. Shluinskiy (eds.). Moscow: Institut yazykoznaniya RAN Publ., 2021. Pp. 22–23. (In Russian)
2. *Vserossiyskaya perepis' naseleniya 2020 goda* [All-Russian Census of 2020]. Available at: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Tom5_tab5_VPN-2020.xlsx (accessed March 23, 2025). (In Russian)
3. Kutsaeva M. V. *Mariyskiy v Moskve: k voprosu o sokhrannosti etnicheskogo yazyka v usloviyakh vnutrenney diaspori* [The Mari language in Moscow: to the problem of ethnic language preservation in the conditions of internal diaspora]. *Finno-ugrovedenie* [Finno-Ugric Studies], 2022, no. 63, pp. 30–44. (In Russian)
4. Kutsaeva M. V. *Problema sokhraneniya etnicheskoy kul'tury v usloviyakh vnutrenney diaspori (na materiale polevykh issledovaniy v chuvashskoy i mariyskoy diasporakh moskovskogo regiona)* [Problem of ethnocultural preservation in the internal diasporas (on the material of field research in the Moscow region Chuvash and Mari diasporas)]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities], 2023, no. 2 (870), pp. 158–165. (In Russian)
5. Kutsaeva M. V. *Funktsionirovanie mariyskikh idiomov v starykh diasporakh Bashkortostana (po materialam polevykh ekspeditsiy 2024 g.)* [Functioning of Mari idioms in old diasporas of Bashkortostan (results of 2024 field data)]. *Tomskiy zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy* [Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology], 2025, no. 1 (47), pp. 50–63. (In Russian)
6. Sepeeov G. A. *Istoriya rasseleniya mariytsev* [History of settlement of the Mari people]. Yoshkar-Ola: MarNIIYaLI Publ., 2006. 200 p. (In Russian)
7. Scheller E. *Aktivizatsiya passivnykh znaniy kil'dinskogo saamskogo yazyka s pomoshch'yu metoda "master-uchenik" i obucheniya grammatike i pis'mennomu yazyku* [Activaton of passive Kildin Saami language knowledge through the "Master-Student" method and instruction in grammar and writing skills]. *Rodnoy yazyk* [Native Language], 2024, no. 2, pp. 82–108. (In Russian)
8. Dauenhauer N. M., Dauenhauer R. Technical, emotional, and ideological issues in reversing language shift: Examples from southeast Alaska. *Endangered languages: Current Issues and Future Prospects*. L. A. Grenoble, L. J. Whaley (eds.). Cambridge: Cambridge University press, 1998. Pp. 57–98. (In English)
9. Hinton L. *Revitalization of endangered languages*. The Cambridge Handbook of Endangered Languages. P. K. Austin, J. Sallabank (eds.). Cambridge: Cambridge University Press, 2011. Pp. 291–311. (In English)
10. Hinton L., Florey M., Gessner S., Manatowa-Bailey J. The Master-Apprentice Language Learning Program. *The Routledge Handbook of Language Revitalization*. L. Hinton, L. Huss, G. Roche (eds.). New York: Routledge, 2018. Pp. 127–136. (In English)

11. Grenoble L. A., Whaley L. J. *Saving Languages: An Introduction to Language Revitalization*. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 231 p. (In English)
12. Grenoble L. Why Revitalize? *Revitalizing Endangered Languages*. Olko J., Sallabank J. (eds.). Cambridge: Cambridge university press, 2021. Pp. 9–22. (In English)
13. Kutsaeva, Marina V. The Mari community of Moscow: Ethnic language maintenance in urban settings. *Multilingual Moscow: Dynamics of Language and Migration in a Capital City*. M. Bergelson, D. Zoumpalidis (eds.). Berlin, Boston: De Gruyter Mouton, 2024. Pp. 133–154. (In English)
14. Sallabank J. Language policy for endangered languages. *The Cambridge Handbook of Endangered Languages*. P. K. Austin, J. Sallabank (eds.). Cambridge: Cambridge University Press, 2011. Pp. 277–290. (In English)
15. Virtue H., Gessner S., and Daniels D. (Xway'Waat). *B.C.'s master-apprentice language program handbook*. Brentwood Bay, BC: First Peoples' Cultural Council, 2012. 89 p. (In English)
16. Woolard K. A. Language and identity choice in Catalonia: The interplay of contrasting ideologies of linguistic authority. *Lengua, nación e identidad. La regulación del plurilingüismo en España y América Latina*. K. Süselbeck, U. Mühlischlegel, P. Masson (eds.). Madrid–Frankfurt am Main: Iberoamericana-Vervuert Verlag, 2008. Pp. 303–324. (In English)

Field materials of the author

Field materials of the author 1 – *Ekspediciya v Kukmorskij r-n Tatarstana. Avgust 2024 g. (informant: № 45 – zhenshchina, 2001 g. r.)* [Expedition to the Kukmorsky District, Republic of Tatarstan. August, 2024 (Informant: № 45 – woman, 2001 year of birth)].

Field materials of the author 2 – *Ekspediciya v Agryzskij r-n Tatarstana. Noyabr' 2024 g. (informant: № 27 – zhenshchina, 2001 g. r.)* [Expedition to the Agryzsky District, Republic of Tatarstan. November, 2024 (Informant: № 27 – woman, 2001 year of birth)].

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Куцаева Марина Васильевна, старший научный сотрудник, Институт языкознания РАН (125009, Российская Федерация, г. Москва, Б. Кисловский пер., д. 1., стр. 1); руководитель научного коллектива в проекте РНФ; кандидат филологических наук.

marina.kutsaeva@iling-ran.ru

ORCID ID: 0000-0002-0112-2961

ABOUT THE AUTHOR

Kutsaeva Marina Vasilyevna, Senior Researcher, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (125009, Russian Federation, Moscow, B. Kislovsky Lane, 1–1); Head of the research team in the Russian Science Foundation project; Candidate of Philological Sciences.

marina.kutsaeva@iling-ran.ru

ORCID ID: 0000-0002-0112-2961